При большом разнообразии и широте поэтических интересов Сергея Острового можно все же выделить одну тему, которой он привержен на протяжении многих лет. Тема эта — время. Время, преломленное через людские судьбы, время, ставшее воспоминанием, время как философская категория. «Минуты — это прочный материал, я что-нибудь из них все время строю», — сказал как-то поэт в своем стихотворении. Так что для С. Острового лаконичное название нового сборника «Годы...» (издательство «Советский писатель») не случайность, а осознанная необходимость осмыслить свой более чем полувековой путь в поэзии.

Мы беседуем с Сергеем Григорьевичем в его рабочем кабинете. Поэт готовился к разговору: на столе разложены его книги — их около 30. Здесь и парадный, в красном переплете двухтомник избранных произведений, и более скромные издания, и только что вышедший сборник «Годы...» с подзаголовком «Новая лирика». Но мой взгляд привлекает тоненькая, пожелтевшая от времени брошюра, выпущенная в 1937 году.

— Это моя первая книга, — говорит Сергей Григорьевич. — Она вышла в приложении к журналу «Огонек» большим для того времени тиражом — 50 тысяч экземпляров. Ее редактором был чудесный писатель Ефим Зозуля, который восхищал нас, молодых, тем, что поставил своей целью написать цикл из тысячи маленьких новелл. Он же был руководителем литобъединения при журнале, в котором состояли М. Алигер, Евг. Долматовский, Л. Матусовский, С. Михалков, Л. Ошанин, П. Железнов, ваш покорный слуга. А потом, немного попозже, мы все перешли в литобъединение при Гослитиздате под руководством Павла Антокольского. Старостой у нас был Константин Симонов. Сейчас покажу вам одну бумажку. — С. Островой встает, через минуту возвращается. — Вот смотрите. Сколько ценных документов пропало во время войны, а этот клочок, на котором Симонов пишет о том, что «сегодня состоится обсуждение нашей книги. Выступит ты, Алигер, я...», мне удалось сохранить. Речь в записке идет о книге, которую мы выпускали по идее П. Антокольского. Каждый из нас написал по одному стихотворению о Пушкине — таким образом был составлен этот сборник...

А первая моя большая книга вышла в «Советском писателе» уже незадолго до войны, в 1939 году. И опять мне очень повезло с редактором. Им был талантливый поэт Джек Алтаузен. Он же

дал мне рекомендацию в Союз писателей. В общем, время моего начала было интересное, и люди вокруг меня были интересные.

— Тридцатые годы дали много прекрасных поэтических имен, которыми мы гордимся и сегодня. Могли бы вы назвать кого-нибудь из тех, кто тогда жил и работал рядом с вами и в какой-то степени стал вашим учителем?

— Я не очень верю, когда на подобный вопрос журналиста писатель отвечает совершенно конкретно: на меня оказал огромное влияние такой-то и непременно один поэт. Мне кажется, так не бывает. Когда молодой человек начинает свой путь, он у многих учится. И скорей всего ему интересны писатели, совершенно полярные по сво-

— Верно. И этому есть свое объяснение. Я ушел на войну в первые ее дни, а закончил в 1945-м, на Эльбе. Ушел рядовым солдатом, затем был военным корреспондентом, служил в политотделе дивизии, которая стояла в 700 метрах от передовой, в зоне пулеметного огня. (Кстати, я работал в фронтовой газете 31-й армии вместе с Е. Зозулей и венгерским писателем Белой Иллешем.) И дивизия народного ополчения, которая почти вся легла под Вязьмой, и первая бомбежка Ржева, и работа ночами напролет в газете —

первые книжки, потому что они первые, но прекрасно отдаю себе отчет в том, сколько они неинтересны и несвершенны. Так, поверхностный эмоциональный взрыв, радость дикаря, умеющего славать стихи. Молодость, бесспорно, прекрасная пора, но сегодня мне кажется, что я вижу и чувствую гораздо сильнее, чем в молодости. Никогда так много и с таким наслаждением не писал, как сейчас. Работаю ежедневно, не могу оторваться от бумаги. Уже готова следующая книга, состоящая из абсолютно новых стихов, а в го-

Это неверно, что в газете, как считают некоторые, стихотворение живет один день. Оно живет столько, сколько того заслуживает. А если уж говорить о читателе, то такой многомиллионной аудитории тебе не может предоставить ни одно, даже самое мощное издательство. Может быть, я буду сейчас излишне категоричен, но мне кажется, ценность созданных произведений измеряется в немалой степени количеством их читателей. В литературе, как и в математике, действует закон больших чисел. Только тот писатель выполняет свою миссию, который нужен множеству, кого знают и любят миллионы читателей. Мне совершенно неинтересны поэты, популярные в ЦДЛ или, в крайнем случае, в районе улицы Герцена. Самая большая радость для меня как человека творческого — читательские письма из разных уголков страны.

— Но закон больших чисел предполагает независимость, как выражаются в математике, испытаний или событий. То есть, говоря проще, этот закон может распространяться на литературу только тогда, когда речь идет о читателях равного интеллектуального уровня.

— Пусть математикой занимаются математики. Я же могу только сказать, что для меня все читатели равны, независимо от их уровня интеллектуального. (Представляю, как ныне литературные снобы будут в этом месте пожимать плечами.) Я думаю, что не существует такого понятия «читательская толпа». «Это не просто, ветрами знобимая, мчится толпа, эту землю крутя... Чей-то любимый. И чья-то любимая. Чей-то родитель. И чье-то дитя». Вот для такой «толпы», которая — сообщество людей, я и пишу.

Ведь происходит чудо. Я сижу в своей квартире неподалеку от метро «Аэропорт», сочиняю стихи и в это время беседую со многими людьми — вот что для меня важно. Свидетельство того — опять же письма. Понимаю, что существует и другой тип писателей, которые предпочитают широкой популярности небольшую горстку элитарных читателей. Но я ведь сейчас говорю только о себе. Думаю так: в зависимости от того, сколько человек тебя полюбили, скольким людям ты стал интересен, столько и прибавляется тебе лет жизни...

Беседа велла Т. СЛАВИНА

Сергей ОСТРОВОЙ:

БЕСЕДЫ
ЗА РАБОЧИМ
СТОЛОМ

«НАС ВСЕХ РИСУЕТ ВРЕМЯ...»

ему творческому методу, по отношению к слову, к самой жизни.

Б. Пастернака я едва знал. Мальчишкой жил с ним в одном доме, иногда встречался во дворе. Он был неизменно вежлив и очень общителен, беседовал с удовольствием даже с нами, детворой. Э. Багрицкого видел всего лишь один раз в жизни — в «Новом мире», где он тогда работал. С И. Сельвинским был в очень хороших отношениях, часто встречался и во время войны, и после. И тем не менее эти три очень разных человека своим творчеством оказали на меня большое влияние. Многие в жизни трудно объяснить. Ведь я дружил в ту пору с замечательными поэтами, восхищался ими, с наслаждением читал их работы. А учился только у троих.

— Сергей Григорьевич, раз уж мы совершаем путешествие во времени, то давайте сохраним верность хронологии. Началась Великая Отечественная война, вы ушли добровольцем на фронт. Но вот странность. В ваших стихах и той поры, и более поздней не присутствует война. О ней вы заговорили уже в годах шестидесятых...

только бы успеть! — все это осталось во мне навсегда. Но для того, чтобы осмыслить и понять такую громаду, мне понадобилось много времени. Ведь в памяти у каждого человека есть свои «кладовые», а в них много полков. И никто, в том числе и ты сам, не знает, на какую полку ляжет твоё переживание — верхнюю или нижнюю. И когда оно тебе понадобится. Это и есть, по-моему, как иногда высокопарно выражаются, одна из тайн творчества.

— Мне кажется, шестидесятые годы стали вообще для вас своеобразным рубежом. Одна за другой выходят новые книги, вы пробуете себя в новых жанрах, пишете сказки, прозу, много занимаетесь публицистикой.

— Я часто думал над тем, почему мне понадобился такой большой разгон, длиною почти в 30 лет. Потом пришел к выводу, что личности созревают по-разному — одни цветут рано, другие поздно. Я принадлежу к «другим». Много узнал в последние годы, наполнился жизнью, стал, как мне кажется, мудрее, зорче. Я люблю свои

ловля роятся бесконечные планы, идеи, замыслы...

— Сергей Григорьевич, вероятно, отдельной темой для большого разговора могло бы стать ваше активное участие в периодических изданиях. Откуда такое пристрастие к газете? Ведь не секрет, что многие ваши коллеги по писательскому цеху не желают размениваться «на мелочи»...

— Может быть, потому, что я «родился» в газете (начинал в 1929 году в томской областной, затем работал в московском, прославленном именами Ильфа, Петрова, Олеша, Булгакова «Гудке»), я и сейчас свои лучшие стихи стремлюсь печатать в газете. Именно газета, считаю, сделала меня поэтом. Молодым журналистом много ездил по новостройкам. На моих глазах рождалась новая страна — Магнитка, Кузбасс, Комсомольск-на-Амуре. Все это давало пищу для размышлений, для творчества, для творчества, подталкивало к письменному столу. До сих пор убежден, что газета — прекрасная школа писательского мастерства. Так что, повторяю, для меня высшая награда — опубликоваться в «Правде» или в «Известиях».